

Александр
Городницкий

остров Гваделупа
на материк

чистые пруды
СТИХИ

песня
полярных
летчиков

СНЕГ

и **ПЕСНИ**

атланты у Геркулесовых столбов
держат небо

жена французского посла

перекапты

паруса
«бузенштерна»

над Канадой небо синее

система
Декарта

аэропорты
девятнадцатого
века

острова
в океане

Александр Моисеевич Городницкий

Стихи и песни (сборник)

Серия «А. Городницкий.
Легендарный бард»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24314384

Александр Городницкий. Стихи и песни: Яуза, Эксмо, Якорь; Москва;

2016

ISBN 978-5-699-91754-9

Аннотация

[i]«Атланты держат небо», «У Геркулесовых столбов», «От злой тоски не матерись» («На материк»), «Над Канадой небо сине», «Жена французского посла», «Снег», «Перекаты», «Кожаные куртки» («Песня полярных летчиков»)[i] – эти песни Александра Городницкого, написанные в дальних океанских плаваниях и в экспедициях на Крайнем Севере, давно стали народными.

Его стихи, переведенные на многие языки и включенные в школьные учебники, – настоящий гимн «шестидесятников».

А сам поэт по праву признан живым классиком и одним из основоположников жанра авторской песни в России, наряду с Владимиром Высоцким, Булатом Окуджавой, Александром Галичем, Юрием Визбором.

В этот сборник включены лучшие стихи и песни Александра
Городницкого.

2-е издание, исправленное и дополненное.

Содержание

Атланты держат небо (1958–1969)	8
Снег (песня)	8
Песня полярных летчиков (песня)	11
Песня болотных геологов (песня)	13
Деревянные города (песня)	15
Про Дядьку	17
Принцесса береника (песня)	19
За белым металлом (песня)	21
Перебаты (песня)	23
На материк (песня)	25
В Уэльсе (песня)	27
Брусника (песня)	29
Ах, не ревнуй (песня)	30
Чистые пруды (песня)	32
Осенняя песня (песня)	34
Английский канал (песня)	36
Черный хлеб (песня)	38
Пиратская (песня)	40
Слова	42
Акулы	43
Прощание с городом (песня)	45
Атланты (песня)	47
Паруса «Крузенштерна» (песня)	49

В океане зима (песня)	51
За тех, кто на земле (песня)	52
«В канадской старой цитадели / Разглядываем дотемна...»	54
Над Канадой (песня)	55
Финская граница (песня)	57
Не женитесь, поэты (песня)	59
Полночное солнце (песня)	61
Перелетные ангелы (песня)	62
Как грустна осенняя вода (песня)	63
Петровские войны	65
Геркулесовы столбы (песня)	66
Испанская граница (песня)	67
«Цареубийцы из домов приличных...»	68
Моряк, покрепче вяжи узлы (песня)	69
Цирк шапито (песня)	71
Песня подводников (песня)	73
Освенцим (песня)	75
По Освенциму ветер гуляет (песня)	76
Треблинка (песня)	78
Элегия	80
Владимиру	82
1. Галилей (песня)	82
2. Антигалилей (песня)	83
Монолог маршала (песня)	85
Любовница Блока	87

Друзья и враги (песня)	89
Поэты	91
Сентябрь	92
Новелле Матвеевой (песня)	94
Переделкино (песня)	96
«Две женщины, два дома, две судьбы...»	98
Жена французского посла (1970–1976)	99
Остров Гваделупа (песня)	99
Новодевичий монастырь (песня)	101
Донской монастырь (песня)	103
Ночная вахта	105
Атлантида (песня)	107
Остров горе	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Александр Городницкий

Стихи и песни

© Городницкий А.М., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Якорь», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Атланты держат небо (1958–1969)

Снег (*песня*)

Тихо по веткам шуршит снегопад,
Сучья трещат на огне.
В эти часы, когда все еще спят,
Что вспоминается мне?
Неба далекого просинь,
Давние письма домой...
В царстве чахоточных сосен
Быстро сменяется осень
Долгой полярной зимой.

Снег, снег, снег, снег,
Снег над палаткой кружится.
Вот и кончается наш краткий ночлег.
Снег, снег, снег, снег
Тихо на тундру ложится,
По берегам замерзающих рек
Снег, снег, снег.

Над Петроградской твоей стороной

Вьется веселый снежок,
Вспыхнет в ресницах звездой озорной,
Ляжет пушинкой у ног.
Тронул задумчивый иней
Кос твоих светлую прядь,
И над бульварами Линий
По-ленинградскому синий
Вечер спустился опять.

Снег, снег, снег, снег,
Снег за окошком кружится.
Он не коснется твоих сомкнутых век.
Снег, снег, снег, снег...
Что тебе, милая, снится?
Над тишиной замерзающих рек
Снег, снег, снег.

Долго ли сердце твое берегу? —
Ветер поет на пути.
Через туманы, мороз и пургу
Мне до тебя не дойти.

Вспомни же, если взгрустнется,
Наших стоянок огни.
Вплавь и пешком – как придется, —
Песня к тебе доберется

Даже в нелетные дни.

Снег, снег, снег, снег,
Снег над тайгою кружится.
Вьюга заносит следы наших саней.
Снег, снег, снег, снег...
Пусть тебе нынче приснится
Залитый солнцем вокзальный перрон
Завтрашних дней.

1958, Ленинград

Песня полярных летчиков (*песня*)

Кожаные куртки, брошенные в угол,
Тряпкой занавешенное низкое окно.
Бродит за ангарами северная вьюга,
В маленькой гостинице пусто и темно.

Командир со штурманом мотив припомнят старый,
Голову рукою подопрет второй пилот,
Подтянувши струны старенькой гитары,
Следом бортмеханик им тихо подпоет.

Эту песню грустную позабыть пора нам, —
Наглухо моторы и сердца зачехлены.
Снова тянет с берега снегом и туманом,
Снова ночь нелетная даже для луны.

Лыбые романтики, воздушные бродяги,
Наша жизнь – мальчишеские вечные года.
Прочь тоску гоните вы, выпитые фляги,
Ты, метеослужба, нам счастья нагадай!

Солнце незакатное и теплый ветер с веста,

И штурвал послушный в стосковавшихся руках...
Ждите нас, не встреченные школьницы-невесты,
В маленьких асфальтовых южных городках!

1959, Туруханск

Песня болотных геологов (песня)

А женам надоели расставания,
Их личики морщинками идут.
Короткие вокзальные свидания
Когда-нибудь в могилу их сведут.
А я иду, доверчивый влюбленный,
Подальше от сервантов и корыт,
И, как всегда, болот огонь зеленый
Мне говорит, что путь открыт.

А женам надоели годовщины
И частых провожаний маета.
Подстриженные «бобриком» мужчины
Уводят их туда, где суета.
А я иду, обманом закаленный,
Брезентом от случайностей прикрыт,
И, как всегда, болот огонь зеленый
Мне говорит, что путь открыт.

Шагаем мы сквозь лиственное пламя,
Нас песнями приветствует страна.
Взрастают под чужими именами
Посеянные нами семена.
А я иду, совсем не утомленный,

Лет двадцати, не более, на вид,
И, как всегда, болот огонь зеленый
Мне говорит, что путь открыт.

1959

Деревянные города (*песня*)

Укрыта льдом зеленая вода,
Летят на юг, перекликаясь, птицы.
А я иду по деревянным городам,
Где мостовые скрипят, как половицы.

Над крышами картофельный дымок,
Висят на окнах синие метели.
Здесь для меня дрова, нарубленные впрок,
Здесь для меня постелены постели.

Шумят кругом дремучие леса,
И стали мне докучливы и странны
Моих товарищей нездешних голоса,
Их городов асфальтовые страны.

В тех странах в октябре – еще весна,
Плывет цветов замысловатый запах,
Но мне ни разу не привидится во снах
Туманный Запад, неверный дальний Запад.

Никто меня не вспоминает там,

Моей вдове совсем другое снится...
А я иду по деревянным городам,
Где мостовые скрипят, как половицы.

1959

Про Дядьку

Памяти моего неродного дяди А. П. Серегина

Полковник на снимок: «Дайте-ка!

Давно – не узнаешь с ходу».

Выходит, он помнит дядьку

По тридцать давнему году.

Выходит, он помнит ясно,

А тетка, видно, забыла —

Шлем со звездой красной

Среди тряпья сохранила.

А я вспоминаю Киев

И запах печеного хлеба,

Две сильных руки мужские,

Меня поднявшие в небо.

Я день вспоминаю жаркий,

Загаром согретые лица.

А он, говорят, служака,

А он, говорят, тупица.

Казарменным запахом жестким

Был он насквозь пронизан —

От стен, беленых известкой,

От тухлой капусты снизу.

Такие шли на аресты,

Не вздрагивали при стоне.

А дядька погиб под Брестом

С пустым наганом в ладони.
Узлами корней скрутило
Поляну, где умирал он.
В отдельных своих квартирах
Спиваются генералы.
Сокурсники, сополчане,
Хранители ротных фактов —
Пускай бы они молчали
До скорых своих инфарктов!

1959

Принцесса береника (*песня*)

Лидии Карасиной

У леса не черника,
А мох растет.
Принцесса Береника
На Охте живет.
Покрыты там обочины
Быльем-травой.
Мы очень озабочены
Ее судьбой.

В двухкомнатной квартире
Живет она,
К автобусу «четыре»
Идет одна,
И каблучок резиновый —
Весь след ее,
Плывет дымок бензиновый —
И нет ее.

А путь без песен труден нам,
Как ни скрывай.
На улице полуденной
Звенит трамвай.
И я к своей указанной

Судьбе привык,
И нету в мире сказок —
И Береник.

1960

За белым металлом (*песня*)

*Памяти геолога Станислава Погребицкого,
погибшего в 1960 году на реке Северной*

В промозглой мгле – ледоход, ледолом.
По мерзлой земле мы идем за теплом:
За белым металлом, за синим углем,
За синим углем да за длинным рублем.

И карт не мусолить, и ночи без сна.
По нашей буссоли приходит весна.
И каша без соли пуста и постна,
И наша совесть – чиста и честна.

Ровесник плывет рыбакам в невода,
Ровесника гонит под камни вода.
А письма идут неизвестно куда,
А в доме, где ждут, неуместна беда.

И если тебе не пишу я с пути,
Не слишком, родная, об этом грусти:
На кой тебе черт получать от меня
Обманные вести вчерашнего дня?

В промозглой мгле – ледоход, ледолом.
По мерзлой земле мы идем за теплом:

За белым металлом, за синим углем,
За синим углем – не за длинным рублем!

1960, река Северная, Туруханский край

Перекаты (*песня*)

*Памяти геолога Станислава Погребицкого,
погибшего в 1960 году на реке Северной*

Всё перекаты да перекаты —
Послать бы их по адресу!
На это место уж нету карты, —
Плыву вперед по абрису.

А где-то бабы живут на свете,
Друзья сидят за водкою...
Владеют камни, владеет ветер
Моей дырявой лодкою.

К большой реке я наутро выйду,
Наутро лето кончится,
И подавать я не должен виду,
Что умирать не хочется.

И если есть там с тобою кто-то, —
Не стоит долго мучиться:
Люблю тебя я до поворота,
А дальше – как получится.

Всё перекаты да перекаты —
Послать бы их по адресу!
На это место уж нету карты, —
Плыву вперед по абрису.

1960, Ленинград

На материк (*песня*)

От злой тоски не матерись, —
Сегодня ты без спирта пьян:
На материк, на материк
Идет последний караван.

Опять пурга, опять зима
Придет, метелями звеня.
Уйти в бега, сойти с ума
Теперь уж поздно для меня.

Здесь невеселые дела,
Здесь дышат горы горячо,
А память давняя легла
Зеленой тушью на плечо.

Я до весны, до корабля
Не доживу когда-нибудь.
Не пухом будет мне земля,
А камнем ляжет мне на грудь.

От злой тоски не матерись, —

Сегодня ты без спирта пьян:
На материк, на материк
Ушел последний караван.

1960, Ленинград

В Уэльсе (*песня*)

В Уэльсе теплые дожди
По крышам шелестят.
Подруга, ты меня не жди,
Я не вернусь назад.
Стакан зажат в моей руке,
Изломан песней рот, —
Мы в придорожном кабачке
Встречаем Новый год.

Мой нос багров, я пить здоров,
И ты меня не тронь.
Под бубна рев по связке дров
Пустился в пляс огонь.
Мы собрались здесь налегке,
Без горя и забот,
Мы в придорожном кабачке
Встречаем Новый год.

Кругом туманные поля,
Шумят кругом друзья.
Моя ячменная земля,
С тобою счастлив я!
Стакан зажат в моей руке,

Изломан песней рот, —
Мы в придорожном кабачке
Встречаем Новый год.

1961

Брусника (*песня*)

Ты мне письмо прислать рискни-ка,
Хоть это все, конечно, зря.
Над поздней ягодой брусникой
Горит холодная заря.

Опять река несет туманы,
Опять в тепло уходит зверь.
Ах, наши давние обманы,
Вы стали правдою теперь.

Меня ты век любить смогла бы,
И мне бы век любить еще,
Но держит осень красной лапой
Меня за мокрое плечо.

И под гусиным долгим криком,
Листовою ржавою соря,
Над поздней ягодой брусникой
Горит холодная заря.

Ах, не ревнуй (песня)

Ах, не ревнуй меня к девке зеленой,
А ты ревнуй меня к воде соленой.
Ах, не ревнуй меня к вдове дебелий,
А ты ревнуй меня к пене белой.
Закачает вода, завертит,
Все изменит в моей судьбе,
Зацелует вода до смерти,
Не отпустит меня к тебе.

Ах, не ревнуй меня к ласке дочерней,
А ты ревнуй меня к звезде вечерней.
Ах, не ревнуй меня к соседке Райке,
А ты ревнуй меня к серой чайке.
Только чайка крылом поманит —
И уйду от любви твоей,
Пусть сегодня она обманет —
Завтра снова поверю ей.

Ах, не ревнуй меня к глазам лукавым,
А ты ревнуй меня к придонным травам.
Ах, не ревнуй меня к груди налитой,
А ты ревнуй меня к песне забытой.
Мне бы вовсе ее не слушать,

Как услышу – дышать невмочь,
Снова песня источит душу
И из дома погонит прочь.

Ах, не ревнуй меня к девке зеленой,
А ты ревнуй меня к воде соленой.
Ах, не ревнуй меня к вдове дебелий,
А ты ревнуй меня к пене белой.
Закачает вода, завертит,
Все изменит в моей судьбе,
Зацелует вода до смерти,
Не отпустит меня к тебе.

1962, парусник «Крузенитерн»

Чистые пруды (*песня*)

Анне Наль

Все, что будет со мной, знаю я наперед,
Не ищу я себе провожатых.
А на Чистых прудах лебедь белый плывет,
Отвлекая вагоновожатых.

На бульварных скамейках галдит малышня,
На бульварных скамейках – разлуки.
Ты забудь про меня, ты забудь про меня,
Не заламывай тонкие руки.

Я смеюсь пузырем на осеннем дожде,
Надо мной – городское движенье.
Все круги по воде, все круги по воде
Разгоняют мое отраженье.

Все, чем стал я на этой земле знаменит, —
Темень губ твоих, горестно сжатых...
А на Чистых прудах лед коньками звенит,
Отвлекая вагоновожатых.

1962, река Сухариха, Туруханский край

Осенняя песня (*песня*)

И снова закаты мглисты,
И пахнет сырой золой,
Ковры-самолеты листьев
Над синей скользят землей.
И низко туманы влажные
Плывут вослед, —
Ведь вовсе не так уж важно,
Что крыльев нет.

Сигналит гусь утомленный,
Словно такси во мгле,
Звезды огонек зеленый
Дрожит на его крыле.
И низко туманы влажные
Плывут вослед, —
Ведь вовсе не так уж важно,
Что крыльев нет.

И если усну теперь я, —
Не твой я уже, не твой:
Усталое пенье перьев
Я слышу над головой.
И низко туманы влажные

Плывут вослед, —
Ведь вовсе не так уж важно,
Что крыльев нет.

1962

Английский канал (песня)

Анне Наль

Над Английским каналом огни,
Над Английским каналом туманы.
Ах, зачем до тебя всё считаю я дни, —
Наши встречи редки и обманны.

Снова чайка кружится, трубя,
Над негромкой вечерней волною.
Ах, зачем, ах, зачем так люблю я тебя,
Когда нет тебя рядом со мною?

Цвет на серый меняет вода,
И становятся звезды на место.
Ах, зачем ты судьбой одинокой горда —
Не жена, не вдова, не невеста?

А над Английским каналом огни,
Над Английским каналом туманы.
Ах, зачем мы с тобой в целом мире одни,
Ах, зачем мы с тобой постоянны?

1962

Черный хлеб (песня)

Михаилу Иванову

Я, таежной глушью заверченный,
От метелей совсем ослеп.
Недоверчиво, недоверчиво
Я гляжу на черный хлеб.

От его от высохшей корочки
Нескупая дрожит ладонь.
Разжигает огонь костерчики,
Поджигает пожар огонь.

Ты кусок в роток не тяни, браток,
Ты сперва погляди вокруг:
Может тот кусок для тебя сберег
И не съел голодный друг.

Ты на части хлеб аккуратнo режь:
Человек – что в ночи овраг.
Может тот кусок, что ты сам не съешь,
Съест и станет сильным враг.

Снова путь неясен нам с вечера,
Снова утром буран свиреп.
Недоверчиво, недоверчиво

Я гляжу на черный хлеб.

1962

Пиратская (песня)

Пират, забудь о стороне родной,
Когда сигнал «К атаке!» донесется.
Поскрипывают мачты над волной,
На пенных гребнях вспыхивает солнце.
Земная неизвестна нам тоска
Под флагом со скрещенными костями,
И никогда мы не умрем, пока
Качаются светила над снастями!
Дрожите, лиссабонские купцы,
Свои жиры студеные трясите,

Дрожите, королевские дворцы
И скаредное лондонское Сити, —
На шумный праздник пушек и клинка
Мы явимся незваными гостями,
И никогда мы не умрем, пока
Качаются светила над снастями!

Вьет вымпела попутный ветерок.
Назло врагам живем мы, не старея.
И если в ясный солнечный денек
В последний раз запляшем мы на рее, —
Мы вас во сне ухватим за бока,
Мы к вам придем недобрыми вестями,
И никогда мы не умрем, пока

Качаются светила над снастями!

1962, парусник «Крузенитерн», Северная Атлантика

Слова

Слова подчас взрываются не сразу.
Нам долго их опасность невдомек.
Чуть тлеет посреди забытой фразы
Безвредный синеватый огонек.
Но боевая взведена пружина
Под ворохом позднейших голосов.
Стучат неслышно и неудержимо
Колесики невидимых часов.
Мы позабудем их в веселом гаме
Сверкающих и торопливых дней.
И вдруг земля качнется под ногами:
Чем дольше срок завода, тем сильнее
Ударит взрыв и помутится разум,
Бессильная сомкнет ладони злость.
Слова, что брошены, взрываются не сразу,
А сколько их еще не взорвалось!

1962

Акулы

Минуя зыби медленные глыбы,
В движенье обтекаемо-легки,
Акулы, фантастические рыбы,
Изогнутые стелют плавники.
Глубинных армий боевые птицы,
Рожденные для будущих побед,
Как в давний век могли они явиться
На свой подводный желтоватый свет?
...Еще Земля – пустыня, а не клумба,
Еще не верят, что она кругла.
Идут за каравеллами Колумба
Акулы реактивные тела.
Они обходят их по борту справа,
От скорости вибрируя слегка.
Стоцветием дюралевого сплава
Стремительные светятся бока.
Идут акулы, пеною одеты,
Подобия подводного ферзя,
Гряденьем термоядерной ракеты
Беспечным современникам грозя;
Еретикам нечесаным утеха,
Молитвам христианским вопреки.
И с палубы глядят на них без смеха
Охочие до смеха моряки.

Прощание с городом (песня)

Мне разлука с тобой знакома.
Как у времени ни проси,
Он горит у подъезда дома —
Неуютный огонь такси,
Чемодан мой несут родные,
И зеленый огонь погас.
И плывут твои мостовые,
Может, нынче в последний раз.

Мне не ждать у твоих вокзалов,
Не стоять на твоих мостах.
Видно, времени было мало
Мне прижиться в этих местах.
Как приехавший, как впервые,
Отвести не могу я глаз.
И плывут твои мостовые,
Может, нынче в последний раз.

Не вернуть уходящих суток
Ненадежной шумихой встреч,
Четких улиц твоих рисунок
От распада не убережь.
Восстановят ли их живые,
Вспоминая погибших нас?..
И плывут твои мостовые,

Может, нынче в последний раз.

1962

Атланты (*песня*)

Когда на сердце тяжесть
И холодно в груди,
К ступеням Эрмитажа
Ты в сумерки приди,
Где без питья и хлеба,
Забытые в веках,
Атланты держат небо
На каменных руках.

Держать его, махину —
Не мед со стороны.
Напряжены их спины,
Колени сведены.
Их тяжкая работа
Важней иных работ:
Из них ослабни кто-то —
И небо упадет.

Во тьме заплачут вдовы,
Повыгорят поля,
И встанет гриб лиловый,
И кончится Земля.
А небо год от года
Все давит тяжелей,
Дрожит оно от гуда

Ракетных кораблей.

Стоят они, ребята,
Точеные тела, —
Поставлены когда-то,
А смена не пришла.
Их свет дневной не радует,
Им ночью не до сна.
Их красоту снарядами
Уродует война.

Стоят они, навеки
Уперши лбы в беду,
Не боги – человеки,
Привычные к труду.
И жить еще надежде
До той поры, пока
Атланты небо держат
На каменных руках.

1963, парусник «Крузенштерн», Северная Атлантика

Паруса «Крузенштерна» (песня)

Расправлены вымпелы гордо.
Не жди меня скоро, жена, —
Опять закипает у борта
Крутого посола волна.
Под северным солнцем неверным,
Под южных небес синевой —
Всегда паруса «Крузенштерна»
Шумят над моей головой.

И дома порою ночью,
Лишь только раскрою окно,
Опять на ветру надо мною
Тугое поет полотно.
И тесны домашние стены,
И душен домашний покой,
Когда паруса «Крузенштерна»
Шумят над моей головой.

Пусть чаек слепящие вспышки
Горят надо мной в вышине,
Мальчишки, мальчишки, мальчишки
Пусть вечно завидуют мне.
И старость отступит, наверно, —
Не властна она надо мной,
Когда паруса «Крузенштерна»

Шумят над моей головой.

1963, парусник «Крузенитерн»

В океане зима (*песня*)

Протекают трюма,
Льдом покрыта корма,
Третьи сутки ни солнца, ни звезд.
В океане зима, в океане зима —
Мокрый снег да скрипучий норд-ост.

Не сидеть мне сегодня
В домашнем тепле
И не мять мне ногами траву.
Так ходи за меня по веселой земле,
Так смотри за меня на Москву.

Там потоки людей
В торопливой ходьбе,
Там машины в четыре ряда.
Пусть там все, что угодно приснится тебе, —
Пусть тебе не приснится вода...

Всё шторма да шторма.
Ты ведь знаешь сама,
Что дожждаться меня нелегко.
В океане зима, в океане зима,
И до лета еще далеко.

За тех, кто на земле (*песня*)

Бушует ливень проливной,
Шумит волна во мгле.
Давайте выпьем в эту ночь
За тех, кто на земле.
Дымится разведенный спирт
В химическом стекле.
Мы будем пить за тех, кто спит
Сегодня на земле.

За тех, кому стучит в окно
Серебряный восход,
За тех, кто нас давным-давно,
Наверное, не ждет.
И пусть начальство не скрипит,
Что мы навеселе, —
Мы будем пить за тех, кто спит
Сегодня на земле.

Чтоб был веселым их досуг
Вдали от водных ям,
Чтоб никогда не знать разлук
Их завтрашним мужьям.
Не место для земных обид
У нас на корабле, —
Мы будем пить за тех, кто спит

Сегодня на земле.

1963, парусник «Крузенитерн», Северная Атлантика

«В канадской старой цитадели / Разглядываем дотемна...»

В канадской старой цитадели
Разглядываем дотемна
Значки полков, не бывших в деле,
Оружие и ордена.
А у ворот, как неживые,
В медвежьих шапках хороши,
Презрительные часовые
Уперли в землю палаши.
Здесь полковым оркестрам рады
Розовощекие задиры.
Как здесь торжественны парады!
Как здесь воинственны мундиры!
Грохочут, салютуя, пушки
С не знавших приступов стены.
Все кажется: война – игрушки
В стране не видевшей войны.

1963

Над Канадой (песня)

Над Канадой, над Канадой
Солнце низкое садится.
Мне уснуть давно бы надо, —
Отчего же мне не спится?
Над Канадой небо сине,
Меж берез дожди косые...
Хоть похоже на Россию,
Только все же – не Россия.

Нам усталость шепчет: «Грейся», —
И любовь заводит шашни.
Дразнит нас снежок апрельский,
Манит нас уют домашний.
Мне снежок – как не весенний,
Дом чужой – не новоселье:
Хоть похоже на веселье,
Только все же – не веселье.

У тебя сегодня слякоть,
В лужах солнечные пятна.
Не спеши любовь оплакать,
Подожди меня обратно.
Над Канадой небо сине,
Меж берез дожди косые...
Хоть похоже на Россию,

Только все же – не Россия!

1963, Галифакс

Финская граница (песня)

Над рекой Сестрой, над границею,
Заскрипит сосна на ветру,
И перо обронившей птицею
Электричка уронит искру.
Мне бы видеть сны распрекрасные,
По звящей лыжне бежать, —
Отчего ж стою понапрасну я
Возле бывшего рубежа?

Время всхолило дачи около,
Мир по-новому поделая:
Были Оллила да Куоккала —
Нынче наша кругом земля.
Ветер зимний здесь ноет тоненько, —
Что ни песенка, то навет.
Наши стриженные покойники
Заселили ее навек.

Не тобою, друг, было плачено,
Ты в чужую беду не лезь.
Небольшая кровь здесь потрачена,
А большая – совсем не здесь.
Понапрасну ее мы отдали
В позабывшейся той зиме,
А большая кровь – в реке Одере,

А большая кровь – в Колыме.

И чего вспоминаю ради я
Про чужой разоренный дом?
Мы Финляндию у Финляндии
Всю когда-нибудь отберем...
Над рекой Сестрой ветка клонится,
Заметает метель пути.
Ах, бессонница, ты, бессонница,
Отпусти меня, отпусти!

1963

Не женитесь, поэты (*песня*)

Позабыты недочитанные книжки,
Над прудами шумное веселье —
Это бродят беззаботные мальчишки
По аллеям парковым весенним.
Им смеется солнышко в зените,
Дразнят их далекие рассветы...
Не женитесь, не женитесь, не женитесь,
Не женитесь, поэты!

Ненадолго хватит вашего терпенья.
Черный снег над головами кружит.
Затерялись затупившиеся перья
Между бабьих ленточек и кружев.
Не нашел княжны упрямый витязь,
Для стрельбы готовы пистолеты...
Не женитесь, не женитесь, не женитесь,
Не женитесь, поэты!

Зимний вечер над Святыми над Горами,
Зимний вечер, пасмурный и мглистый.
И грустит портрет в тяжелой раме,
И зевают сонные туристы.
Ткет метель серебряные нити,
В белый пух надгробия одеты...
Не женитесь, не женитесь, не женитесь,

Не женитесь, поэты!

1963

Полночное солнце (*песня*)

Твое окно рассветным светом полно,
Вчерашних туч ушел далекий фронт.
А в Заполярье солнце всходит в полночь,
На полчаса зайдя за горизонт.

И ты звенишь в асфальты каблучками,
Спеша продолжить свой свободный труд.
А в Заполярье зацветает камень
И птицы перелетные орут.

И будет все, как мы с тобой хотели,
И будет день твой полон синевой.
А в Заполярье мокрые метели,
И замерзает в валенках конвой.

И ты меня, наверное, не вспомнишь, —
Меня теперь и помнить не резон,
А в Заполярье солнце всходит в полночь,
На полчаса зайдя за горизонт.

1963

Перелетные ангелы (*песня*)

Памяти жертв сталинских репрессий

Нам ночами июльскими не спать на сене,
Не крутить нам по комнатам сладкий дым папирос.
Перелетные ангелы летят на север,
И их нежные крылья обжигает мороз.

Опускаются ангелы на крыши зданий,
И на храмах покинутых ночуют они,
А наутро снимаются в полет свой дальний,
Потому что коротки весенние дни.

И когда ветры теплые в лицо подуют
И от лени последней ты свой выронишь лом,
Это значит – навек твою башку седую
Осенит избавление лебединым крылом.

Вы не плачьте, братишечки, по давним семьям,
Вы не врите, братишечки, про утраченный юг, —
Перелетные ангелы летят на Север,
И тяжелые крылья над тундрой поют.

Как грустна осенняя вода (*песня*)

Как грустна осенняя вода,
Как печальны пристани пустые!
Вновь сентябрь на наши города
Невода кидает золотые.

И, еще спеша и суетясь,
Все равно – смешно нам или горько,
Трепыхаясь в лиственных сетях,
Мы плывем за временем вдогонку.

Ни надежд не будет, ни любви
За его последнюю границу.
Ах, поймай меня, останови,
Прикажи ему остановиться!

Только ты смеешься, как всегда.
Только ты отдергиваешь руки.
Надо мной осенняя вода
Начинает песню о разлуке.

Как грустна осенняя вода,
Как печальны пристани пустые!
Вновь сентябрь на наши города
Невода кидает золотые.

Петровские войны

А чем была она, Россия,
Тем ярославским мужикам,
Что шли на недруга босые,
В пищальный ствол забив жакан,
Теснили турка, гнали шведа,
В походах пухли от пшена?
Кто мог бы внятно нам поведать,
Чем для него была она?
А чем была она, Россия,
Страна рабов, страна господ,
Когда из их последней силы
Она цедила кровь и пот,
На дыбу вздергивала круто,
На мертвых не держала зла,
Цветы победного салюта
Над их могилами несла?
В ее полях зимой и летом
Кричит над ними воронье.
Но если б думали об этом, —
Совсем бы не было ее.

Геркулесовы столбы (*песня*)

У Геркулесовых столбов лежит моя дорога,
У Геркулесовых столбов, где плавал Одиссей.
Меня оплакать не спеши, ты подожди немного,
И черных платьев не носи, и частых слез не сей.

Еще под парусом тугим в чужих морях не спим мы,
Еще к тебе я доберусь, не знаю сам, когда.
У Геркулесовых столбов дельфины греют спины
И между двух материков огни несут суда.

Еще над черной глубиной морочит нас тревога
Вдали от царства твоего, от царства губ и рук.
Пускай пока моя родня тебя не судит строго,
Пускай на стенке повисит мой запыленный лук.

У Геркулесовых столбов лежит моя дорога.
Пусть южный ветер до утра в твою стучится дверь.
Ты не спеши меня забыть, ты подожди немного, —
И вина сладкие не пей, и женихам не верь!

1965, парусник «Крузенитерн»

Испанская граница (*песня*)

Овадио Савичу

У испанской границы пахнет боем быков —
Взбаламученной пылью и запекшейся кровью.
У испанской границы не найдешь земляков,
Кроме тех, что легли здесь – серый крест в изголовье.

Каталонские лавры над бойцами шумят,
Где-то плачут над ними магаданские ели.
Спят комбриги polegших понапрасну бригад,
Трубачи озорные постареть не успели.

Эй, ребята, вставайте! – нынче время не спать.
На серые шинели пришивайте петлицы.
Вы бригаду под знамя соберите опять
У испанской границы, у испанской границы!

Но молчат комиссары в той земле ледяной,
Им в завьюженной тундре солнце жаркое снится.
И колымские ветры все поют надо мной
У испанской границы, у испанской границы.

1965, парусник «Крузенитерн», Гибралтар

«Царевубийцы из домов приличных...»

Царевубийцы из домов приличных,
Интеллигенты с белыми руками,
О ваших судьбах юношеских личных
Молчат архивы за семью замками.
Над вашими портретами не плачем:
Как мало вы похожи на живых.
Как холодно от ваших шей цыплячьих,
От ваших взглядов – светлых, ножевых.
Летать во сне и слушать Баха робко,
На лето ездить к тетушке в Херсон,
Мальчишеским пушистым подбородком
С намыленной петлей играть в серсо.
Ни поцелуя, ни письма любовного
Единой страстью сердце сожжено.
И плакали. И поднимали бомбу,
Как сеятель, кидающий зерно.

1965

Моряк, покрепче вяжи узлы (*песня*)

Моряк, покрепче вяжи узлы —
Беда идет по пятам.
Вода и ветер сегодня злы,
И зол, как черт, капитан.
Пусть волны вслед разевают рты,
Пусть стонет парус тугой —
О них навек позабудешь ты,
Когда придем мы домой.

Не верь подруге, а верь в вино,
Не жди от женщин добра:
Сегодня помнить им не дано
О том, что было вчера.
За длинный стол посади друзей
И песню громко запой, —
Еще от зависти лопнуть ей,
Когда придем мы домой.

Не плачь, моряк, о чужой земле,
Скользящей мимо бортов.
Пускай ладони твои в смоле,
Без пятен сердце зато.
Лицо закутай в холодный дым,
Водой соленой умой,
И снова станешь ты молодым,

Когда придем мы домой.

Покрепче, парень, вяжи узлы —

Беда идет по пятам.

Вода и ветер сегодня злы,

И зол, как черт, капитан.

И нет отсюда пути назад,

Как нет следа за кормой.

Никто не сможет тебе сказать,

Когда придем мы домой!

Сам черт не сможет тебе сказать,

Когда придем мы домой!

1965, парусник «Крузенитерн», Гибралтар

Цирк шапито (*песня*)

Вы не верьте наветам тоски,
Задуйте в душе шепоток.
Между серых домов городских
Открывается цирк шапито.

Там оркестры и цокот подков,
Электричества солнечный свет.
По карманам хоть горсть медяков
Постарайтесь набрать на билет.

Тот билет – как билет на перрон,
Что вам стоит не выпить сто грамм?
Мимо окон зеленый фургон
Сонный ослик везет по утрам.

И окликнет вас ласково мать,
И сторевшее встанет жильё,
И подарит вам детство опять
Полотняное небо свое.

Позабывшие облик земли,
Нафталином засыпьте пальто, —
На окраине, в рыжей пыли
Открывается цирк шапито.

1966

Песня подводников (*песня*)

*К антивоенному спектаклю студенческого
театра Московского авиационного института*

На что нам дети, на что нам фермы?
Земные радости не про нас.
Все, чем на свете живем теперь мы, —
Немного воздуха – и приказ.
Мы вышли в море служить народу,
Да нету что-то вокруг людей.
Подводная лодка уходит в воду —
Ищи ее неизвестно где.

Здесь трудно жирным, здесь тощим проще,
Здесь даже в зиму стоит жара,
И нету поля, и нету рощи,
И нет ни вечера, ни утра.
Над нами, как над упавшим камнем,
Круги расходятся по воде.
Подводная лодка в глубины канет —
Ищи ее неизвестно где.

Нам солнце на день дают в награде,
И спирта злого ожог во рту.
Наживы ради снимают бляди
Усталость нашу в ночном порту.

Одну на всех нам делить невзгоду,
Одной нам рапорт сдавать беде.
Подводная лодка уходит в воду —
Ищи ее неизвестно где.

В одну одежду мы все одеты,
Не помним ни матери, ни жены.
Мы обтекаемы, как ракеты,
И, как ракеты, устремлены.
Ну кто там хочет спасти природу
И детский смех, и весенний день?
Подводная лодка уходит в воду —
Ищи ее неизвестно где.

1966

Освенцим (*песня*)

Над проселками листья – как дорожные знаки,
К югу тянутся птицы, и хлеб недожат.
И лежат под камнями москали и поляки,
А евреи – так вовсе нигде не лежат.

А евреи по небу серым облачком реют.
Их могил не отыщешь, кусая губу:
Ведь евреи мудрее, ведь евреи хитрее, —
Ближе к Богу пролезли в дымовую трубу.

И ни камня, ни песни от жидов не осталось,
Только ботишков детских игрушечный ряд.
Что бы с ними ни случилось, не испытывай жалость,
Ты послушай-ка лучше, что про них говорят.

А над шляхами листья – как дорожные знаки,
К югу тянутся птицы, и хлеб недожат.
И лежат под камнями москали и поляки,
А евреи – так вовсе нигде не лежат.

1966, Польша

По Освенциму ветер гуляет (*песня*)

По Освенциму ветер гуляет,
И ромашки растут меж печей,
И экскурсия нас ожидает,
Москвичей, москвичей, москвичей.
Вам покажут сожженные кости, —
Сколько хочешь на пепел глазей.
Приезжайте, пожалуйста, в гости
В тот музей, в тот музей, в тот музей.

Разбирайтесь по двое, по трое —
Каждый день, каждый час, каждый час.
Кто из вас лагеря эти строит,
Кто из вас, кто из вас, кто из вас?
Лучше мне докатиться до вышки,
В землю лечь, в землю лечь, в землю лечь,
Чем однажды подбросить дровишки
В эту печь, в эту печь, в эту печь.

Где музеи такие же встанут?
Ни намека о том, ни слезы, —
На бескрайних степях Казахстана
Или в желтой долине Янцзы?
По Освенциму ветер гуляет,
И ромашки растут меж печей...
Кто нам скажет, что нас ожидает,

Москвичей, москвичей, москвичей?

1966, Освенцим

Треблинка (песня)

Треблинка, Треблинка,
Чужая земля.
Тропинкой неблизкой
Устало пыля,
Всхожу я, бледнея,
На тот поворот,
Где дымом развеян
Мой бедный народ.

Порою ночью
Все снится мне сон:
Дрожит подо мною
Товарный вагон,
И тонко, как дети,
Кричат поезда,
И желтая светит
На небе звезда...

Недолго иль длинно
На свете мне жить, —
Треблинка, Треблинка,
Я твой пассажир.
Вожусь с пустяками,
Но все до поры:
Я камень, я камень

На склоне горы.

Плечом прижимаюсь
К сожженным плечам,
Чтоб в марте и в мае
Не спать палачам,
Чтоб помнили каты —
Не выигран бой:
Я камень, я камень
Над их головой.

О память, воскресни, —
Не кончился бой:
Я песня, я песня
Над их головой.

1966, Варшава

Элегия

Евгению Клячкину

Сентябрь сколачивает стаи,
И первый лист звенит у ног.
Извечна истина простая:
Свободен – значит, одинок.

Мечтая о свободе годы,
Не замечаем мы того,
Что нашей собственной свободы
Боимся более всего.

И на растерянные лица
(Куда нам жизни деть свои?)
Крылом спасительным ложится
Власть государства и семьи.

В углу за снятою иконой
Вся в паутине пустота.
Свободен – значит, вне закона.
Как эта истина проста!

Входная дверь гремит, как выстрел,
В моем пустеющем доме.
Так жить нам вместе, словно листьям,

А падать вниз по одному.

1967

Владимиру

1. Галилей (*песня*)

Отрекись, Галилей, отрекись
От науки ради науки!
Нечем взять художнику кисть,
Если каты отрубят руки,
Нечем гладить бокал с вином
И подруги бедро крутое.
А заслугу признать виной
Для тебя ничего не стоит.

Пусть потомки тебя бранят
За невинную эту подлость, —
Тяжелей не видеть закат,
Чем под актом поставить подпись,
Тяжелей не слышать реки,
Чем испачкать в пыли колено.
Отрекись, Галилей, отрекись, —
Что изменится во Вселенной?

Ах, поэты и мудрецы,
Мы моральный несем убыток
В час, когда святые отцы

Волокут нас к станкам для пыток.
Отрекись глупцам вопреки, —
Кто из умных тебя осудит?
Отрекись, Галилей, отрекись,
Нам от этого легче будет.

2. Антигалилей (*песня*)

Ну, кто в наши дни поет? —
Ведь воздух от гари душен.
И рвут мне железом рот,
Окурками тычут в душу.
Ломают меня палач
На страх остальному люду.
И мне говорят: «Заплачь!»
А я говорю: «Не буду!»

Пихнут меня в общий строй,
Оденут меня солдатом,
Навесят медаль – герой! —
Покроют броней и матом.
Мне водку дают, как чай,
Чтоб храбрым я был повсюду.
И мне говорят: «Стреляй!»
А я говорю: «Не буду!»

А мне говорят: «Ну что ж,

Свою назови нам цену.
Объявим, что ты хорош.
Поставим тебя на сцену».
Врачуют меня врачи,
Кроят из меня Иуду.
И мне говорят: «Молчи!»
А я говорю: «Не буду!»

1967

Монолог маршала (песня)

Я – маршал, посылающий на бой
Своих ушастых стриженных мальчишек.
Идут сейчас веселою гурьбой,
А завтра станут памятников тише.
В огонь полки гоню перед собой
Я – маршал, посылающий на бой.

Я славою отмечен с давних пор,
Уже воспеты все мои деянья.
Но снится мне зазубренный топор,
И красное мне снится одеянье,
И обелисков каменная твердь.
Я – маршал, посылающий на смерть.

Пока в гостях бахвалится жена,
Один бреду я по своим хоромам,
И звякают негромко ордена
Неугомонным звоном похоронным,
И заглушить его мне не сумеь.
Я – маршал, посылающий на смерть.

Не знающему робости в боях,
Немало раз пришлось мне нюхать порох.
Но странный я испытываю страх
В пустых соборах и на школьных сборах.

И объяснить его мне не суметь.

Я – маршал, посылающий на смерть.

И победить его мне не суметь.

Я – маршал, посылающий на смерть.

И мне не крикнуть совести: «Не смей!»

Я – маршал, посылающий на смерть.

1967, Ленинград

Любовница Блока

Л. А. Андреевой-Дельмас

Без дерева высохшей веткой,
При солнечном свете страшна,
В салопе, затертом и ветхом
Бредет тротуаром она.
Плывет привиденье дневное
По улицам мимо ворот,
И шепот ползет за спиною:
Любовница Блока идет.

В могиле своей одинокой
Лежит он – чужой и ничей.
Ни прибыли нету, ни прока
От тех позабытых ночей.
С болонкою лысой и старой,
Из года бессмертная в год,
Пугая влюбленные пары,
Любовница Блока идет.

Летит над землею горбатой
Военных угроз дребедень.
Наш век беспокойный двадцатый
Клонится к закату, как день.
Разгул революций неистов,

Ракеты уходят в полет.
Под звонкое кваканье твиста
Любовница Блока идет.

Идет через воду людскую,
Идет по любимым гробам,
И серые губы тоскуют
По мертвым и чистым губам.
И, новых грехов отпущенье
Даруя другим наперед,
Навстречу земному вращенью
Любовница Блока идет.

1968

Друзья и враги (*песня*)

*К спектаклю по повести Владимира Войновича
«Два товарища»*

Наших пыльных дворов мечтатели,
Вспоминаю вас я,
По игре в футбол – неприятели
И по партам – друзья.
Но не знаю я тем не менее,
От каких же шагов
Начинается разделение
На друзей и врагов.

Все мальчишками были близки мы —
По плечу и на «ты».
Под гранитными обелисками
Догорают цветы...
Что же ты, мое поколение,
Не сносило голов?
Опоздало ты с разделением
На друзей и врагов!

А зелененький шарик крутится,
Молодым не до сна
А на улице вновь распутицу
Затекает весна.

Обнажают реки весенние
Рубежи берегов.
Начинается разделение
На друзей и врагов.

1968

Поэты

Лежат поэты на холмах пустынных,
И непонятно, в чем же корень зла,
Что в поединке уцелел Мартынов,
И что судьба Дантеса сберегла?

Что, сколько раз ни приходилось биться,
Как ни была рука его тверда,
Не смог поэт ни разу стать убийцей,
И оставался жертвою всегда?

Неясно, почему? Не потому ли,
Что был им непривычен пистолет?
Но бил со смехом Пушкин пулю в пулю,
Туза навскидку пробивал корнет.

Причина здесь не в шансах перевеса, —
Была вперед предрешена беда:
Когда бы Пушкин застрелил Дантеса,
Как жить ему и как писать тогда?

Сентябрь

Так зажигают в доме свет,
Придя под утро, рано,
Когда забрезживший рассвет
Сентябрь вставляет в раму,
И остается за плечом
Полет автомобильный,
И желтым комнатным лучом
Бокал наполнен пыльный.
Так зажигают в доме свет,
Когда в саду снаружи
Рябины тоненький скелет
Ненастьем обнаружен.
С плаща в передней натекло,
И глина на ботинках.
Ложится осень на стекло
Переводной картинкой.
Так зажигают в доме свет,
Придя домой с работы.
И знаешь: никого здесь нет,
А все же ждешь кого-то.
И канет в черное стекло
Все то, что сердце кружит.
И вновь покажется: светло
Внутри, а не снаружи.

Новелле Матвеевой *(песня)*

А над Москвою небо невесомое,
В снегу деревья с головы до пят,
И у Ваганькова трамваи сонные,
Как лошади усталые, стоят.

Встречаемый сварливою соседкою,
Вхожу к тебе, досаду затая.
Мне не гнездом покажется, а клеткою
Несолнечная комната твоя.

А ты поешь беспомощно и тоненько,
И, в мире проживающий ином,
Я с твоего пытаюсь подоконника
Дельфинию увидеть за окном.

Слова, как листья, яркие и ломкие,
Кружатся, опадая с высоты,
А за окном твоим заводы громкие
И тихие могильные кресты.

Но суеты постылой переулочной
Идешь ты мимо, царственно слепа.
Далекий путь твой до ближайшей булочной
Таинственен, как горная тропа.

И музыкою полно воскресение,
И голуби ворчат над головой,
И поездов ночных ручьи весенние
Струятся вдоль платформы Беговой.

А над Москвою небо невесомое,
В снегу деревья с головы до пят,
И у Ваганькова трамваи сонные,
Как лошади усталые, стоят.

1969

Переделкино (*песня*)

Лидии Либединской

Позабудьте свои городские привычки, —
В шуме улиц капель не слышна.
Отложите дела – и скорей к электричке:
В Переделкино входит весна.
Там зеленые воды в канавах проснулись,
Снег последний к оврагам приник.
На фанерных дощечках названия улиц —
Как заглавия давние книг.

Здесь, тропинкой бредя, задеваешь щекою
Паутины беззвучную нить.
И лежит Пастернак над закатным покоем,
И веселая церковь звонит.
А в безлюдных садах и на улицах мгlistых
Над дыханием влажной земли
Молча жгут сторожа прошлогодние листья —
Миновавшей весны корабли.

И на даче пустой, где не хочешь, а пей-ка
Непонятные горькие сны,
Заскрипит в темноте под ногами ступенька,
И Светлов подмигнет со стены.
И поверить нельзя невозможности Бога

В ранний час, когда верба красна.
И на заячьих лапках, как в сердце – тревога,
В Переделкино входит весна.

1969

«Две женщины, два дома, две судьбы...»

Две женщины, два дома, две судьбы,
Два дела, незаконченные оба.
Твержу себе, что не должно так быть,
И знаю сам, что будет так до гроба.
Две совести. Одна – лишает сна,
Другая: «Брось, один такой ты разве?»
Две истины, и только боль одна,
Одна на это все многообразье.
Как ненавистны мне в минуты встреч
Моих друзей уверенные лица!
Я каждый вечер, перед тем как лечь,
Твержу себе, что завтра все решится.
И, мукой безысходною томясь,
Перед бедой, на злую радость прочим,
Хватаю воздух ртом, как пленный князь,
К двум согнутым березам приторочен.

Жена французского посла (1970–1976)

Остров Гваделупа (*песня*)

Игорю Белоусову

Такие, брат, дела... Такие, брат, дела —
Давно уже вокруг смеются над тобою.
Горька и весела, пора твоя прошла,
И партию сдавать пора уже без боя.
На палубе ночной постой и помолчи.
Мечтать за сорок лет – по меньшей мере, глупо.
Над темною водой огни горят в ночи —
Там встретит поутру нас остров Гваделупа.

Пусть годы с головы дерут за прядью прядь,
Пусть грустно от того, что без толку влюбляться, —
Не страшно потерять умение удивлять,
Страшнее – потерять умение удивляться.
И, возвратясь в края обыденной земли,
Обыденной любви, обыденного супа,
Страшнее – позабыть, что где-то есть вдали
Наветренный пролив и остров Гваделупа.

Так пусть же даст нам Бог, за все грехи грозя,
До самой смерти быть солидными не слишком,
Чтоб взрослым было нам завидовать нельзя,
Чтоб можно было нам завидовать мальчишкам.
И будут сниться сны нам в комнатной пыли
Последние года, отмеренные скупю,
И будут миновать ночные корабли
Наветренный пролив и остров Гваделупа.

1970, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»

Новодевичий монастырь (песня)

Снова рябь на воде и сентябрь на дворе.
Я брожу в Новодевичьем монастыре,
Где невесты-березы, склоняясь ко рву,
Словно девичьи слезы роняют листву.
Здесь все те, кто был признан в народе, лежат.
Здесь меж смертью и жизнью проходит межа.
И кричит одинокая птица, кружа,
И влюбленных гоняют с могил сторожа.

У нарядных могил обихоженный вид, —
Здесь и тот, кто убил, рядом с тем, кто убит.
Им легко в этом месте – ведь тот и другой
Жизни отдали вместе идее одной.
Дым плывет, невесом. Тишина, тишина...
Осняет их сон кружевная стена.
И металлом на мраморе их имена,
Чтобы знала, кого потеряла, страна.

А в полях под Москвой, а в полях под Орлом,
Порыжевшей травой, через лес напролом,
Вдоль освоенных трасс на реке Колыме,
Ходит ветер, пространство готовя к зиме.
Зарастают окопы колючим кустом.
Не поймешь, кто закопан на месте пустом:
Без имен их земля спеленала, темна,

И не знает, кого потеряла, страна.

Я люблю по холодной осенней поре
Побродить в Новодевичьем монастыре.
День приходит, лилов, и уходит назад,
Тусклый свет куполов повернув на закат...
Не хочу под плитой именно лежать, —
Мне б водою речной за стеною бежать,
Мне б песчинкою лечь в монастырь, что вместил
Территорию тех безымянных могил.

*1970, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»,
Северная Атлантика*

Донской монастырь (*песня*)

А в Донском монастыре
Зимнее убранство.
Спит в Донском монастыре
Русское дворянство.
Взяв метели под уздцы,
За стеной, как близнецы,
Встали новостройки.
Снятся графам их дворцы,
А графиням – бубенцы
Забубенной тройки.

А в Донском монастыре
Время птичьих странствий.
Спит в Донском монастыре
Русское дворянство.
Дремлют, шуму вопреки,
И близки, и далеки
От грачиных криков,
Камергеры-старики,
Кавалеры-моряки
И поэт Языков.

Ах, усопший век баллад,
Век гусарской чести!
Дамы пиковые спят

С Германнами вместе.
Под бессонною Москвой,
Под зеленою травой
Спит – и нас не судит
Век, что век закончил свой
Без войны без мировой,
Без вселенских сует.

Листопад в монастыре.
Вот и осень, – здравствуй.
Спит в Донском монастыре
Русское дворянство.
Век двадцатый на дворе,
Теплый дождик в сентябре,
Лист летит в пространство...
А в Донском монастыре
Сладко спится на заре
Русскому дворянству.

*1970, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»,
Северная Атлантика*

Ночная вахта

Ночная вахта в теплом океане.
Дрожь палубы, звон колокола ранний,
Апрельских звезд летящие тела,
И темнота таинственная рубки,
И штурмана светящиеся руки
Над золотой поверхностью стола.

Ночная вахта в теплом океане.
Немыслимая дальность расстояний,
Благословенье Южного Креста,
Тяжелых рей мерцающие ноки.
Мы здесь, как космонавты, одиноки, —
Созвездия вокруг и пустота.

Как этот миг торжественен и странен!
Там, на Земле, трамвай грохочет ранний,
Бесчинствует весенняя капель,
А нас качает, как младенца в ванне,
Ночная вахта в теплом океане —
Соленая и сладкая купель.

Напарник мой, в каюте крепко спит он.
Весь воздух электричеством пропитан,
Звезду от капли отличить нельзя.
Стою на грани двух стихий великих,

И волн фосфоресцирующих блики
Мне опаляют зеленью глаза.

Неблагодарный отпрыск мироздания,
Давно уж атеизму отдал дань я,
То верой, то неверием горя,
Но вот молчу, испуганно и строго,
И верю в Бога, и не верю в Бога
У этого большого алтаря.

Да, я недолго видеть это буду,
И за десятки тысяч миль отсюда
Песчинкой лягу неизвестно где.
Но будет жить поверившая в чудо
Душа моя бессмертная, покуда
Горит огонь на небе и в воде.

*1970, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»,
Северная Атлантика*

Атлантида (песня)

Атлантических волн паутина
И страницы прочитанных книг.
Под водою лежит Атлантида —
Голубого огня материк.
А над ней – пароходы и ветер,
Стаи рыб проплывают над ней...
Разве сказки нужны только детям?
Сказки взрослым гораздо нужней.

Не найти и за тысячу лет нам —
Объясняют ученые мне —
Ту страну, что пропала бесследно
В океанской ночной глубине.
Мы напрасно прожектором светим
В этом царстве подводных теней.
Разве сказки нужны только детям?
Сказки взрослым гораздо нужней.

Век двадцатый, войною палимый, —
Смерть прикинется теплым дождем...
Кто нам скажет, откуда пришли мы?
Кто нам скажет, куда мы уйдем?
Кто сегодня нам сможет ответить,
Сколько жить нам столетий и дней?..
Разве сказки нужны только детям?

Сказки взрослым гораздо нужней.

И хотя я скажу себе тихо:

«Не бывало ее никогда»,

Если спросят: «Была Атлантида?» —

Я отвечу уверенно: «Да!»

Пусть поверят историям этим.

Атлантида – ведь дело не в ней...

Разве сказки нужны только детям?

Сказки взрослым гораздо нужней.

1970, научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев»

Остров горе

Ах, черная Африка, остров Горе,
Стена каземата на острой горе,
Обрыв, оборвавшийся в море!
Знакомого слова чужой оборот,
Как будто на местный язык перевод
Привычного русского «горе».

Ах, черная Африка, остров Горе!
Остатки фортов, продавцы сигарет,
Акаций стремительный ливень!
Акулы, приучены давней игрой,
Где черное мясо и красная кровь
Дежурят в зеленом заливе.

Здесь ящериц шорох и шорох песка,
Молчание скал и прибоя оскал,
Звонящая галька на пляже.
Здесь годы и годы, не ради идей,
Со скал этих в воду бросали людей,
Уже непригодных к продаже.

Иду по песку мимо дома рабов,
Прибрежных базальтов – обветренных лбов,
Заросшего тиной причала.
Века за веками у этих ворот

Бортами о камень стучал галиот,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.